

ЭТНОКУЛЬТУРА НЕМЦЕВ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ (НАЧАЛО XX – 30-Е ГГ. XX В.)

В.В. Тугай, г. Минск

В начале XX в. расселение немцев в сельских районах и городах БССР приобрело преимущественно дисперсный характер, что было связано, прежде всего, с увеличением поселков и деревень, в которых проживало немецкое население, а также созданием национальных сельских советов и колхозов

В 1923 г. в БССР было создано 32 национальных сельских совета, в том числе 2 немецких и один украино-немецкий. В Мозырском округе был образован Березовский немецкий совет (ныне Наровлянский район Гомельской области), в котором проживало 1762 человека немецкой национальности [1].

В Каролинском районе (ныне Ельский район Гомельской области) на базе немецкой колонии имени Розы Люксембург также был создан немецкий совет. В Лельчицком районе Гомельской области в трех деревнях насчитывалось 33 немецких хозяйства. Всего в названных районах насчитывалось 451 немецкое хозяйство с количеством населения 3770 человек [1]. По результатам переписи 1926 г. в Наровлянском районе проживало: белорусов — 71,3%, поляков — 9,4%, украинцев, латышей, чехов — 7,7%, немцев — 6,4% (2283 чел.) [2].

Таким образом, район являлся многонациональным и в нем проживала довольно большая группа немцев. Такое же положение наблюдалось и в других районах области. Что же касается точной численности немцев в середине 20-х гг., то ее предстоит определить, т.к. быть немцем в то время в Советской стране было небезопасным. Официальная перепись 1926 г называет цифру 7 тыс. [3]

В результате создания смешанных сельских советов, а также переселения немецкого этноса в города они неизбежно оказывались в иноэтничном окружении, что влияло на развитие их культуры.

Своеобразие складывавшихся этнокультурных и социально-экономических систем в большей степени определялось как кратковременными контактами

немцев с соседствующим белорусским, украинским и польским населением и разнородным переселенческим населением (чехи, латыши), так и появлением смешанных семейных союзов (немецко-белорусских, немецко-украинских).

В первое время после переселения (70-е – 80-е гг. XIX в.) немцы – колонисты, как и другие переселенцы брали землю в аренду у белорусских помещиков или нанимались батраками на работу к зажиточным крестьянам: работали на полях, пасли скот, но всегда старались обзавестись собственным хозяйством. Со временем они приобретали участки земли, обзаводились скотом, лугами для покоса. Первые немецкие переселенцы на белорусские земли Полесья прибывали, как правило, большими группами, но селились по хуторам или небольшими деревнями. Немецкие семьи, переселяющиеся в Беларусь, насчитывали до девяти человек и более. Женатые и замужние дети селились, как правило, отдельно в радиусе 5–15 км от родителей.

Наблюдались случаи, когда молодые немцы уезжали в города, особенно в первое десятилетие Советской власти и в послевоенный период.

Первое поколение немцев, приехавших на земли белорусского Полесья, использовало для внутрисемейного общения, как правило, родной язык. Но в условиях, когда они поселялись среди русскоязычного или белорусского населения, немцы использовали знание украинских диалектов, т.к. переселились они с Волыни. Второе поколение знало уже два языка, но в кругу семьи разговаривали еще, как правило, на родном. Третье поколение немецких переселенцев в условиях смешанных браков уже разговаривало на русском языке. В силу ограниченности численности этнической группы немцев представителями второго и третьего поколений переселенцев заключалось много смешанных браков. В годы Советской власти в немецко-белорусско-русских семьях говорили преимущественно на русском или белорусском языках. Практически все представители уже второго поколения переселенцев называли себя «русскими немцами».

Немалую роль в распространении языков сыграл тот факт, что с созданием

немецких сельских советов в 20-е годы в местах компактного проживания немцев работали школы на национальном языке. Документы тех лет особо подчеркивают, что большое внимание со стороны властей уделяется строительству национальных школ. В постановлении Наровлянского райисполкома Мозырского округа от 15 сентября 1924 г. выражалась просьба к Мозырскому окрисполкому срочно выселить из бывшего имения Клесин помещика Носенко, а дом закрепить под национальную немецкую школу и канцелярию Совета [5].

Несмотря на огромные трудности в 20-х — 30-х гг. только на Гомельщине было открыто 9 немецких школ, из них две средние. Только на строительство Березовской средней немецкой школы в Мозырском округе государство израсходовало 100 тыс. рублей. Письменность взрослого населения немецких колоний составляла у мужчин 80%, у женщин — 30%.

Немецкие школы обслуживали до 50% детей школьного возраста. Несмотря на то, что школы работали на родном языке, немецкие колонисты неохотно отдавали детей в школы. Тех, кто умел читать и писать только по-немецки власти объявляли неграмотными.

Учителями немецкие школы были обеспечены плохо. Как правило, учителями работали церковные служащие. В середине 20-х гг. в Ленинградском политехникуме стали готовить учителей для немецких школ. В Березовскую среднюю школу прибыли молодые учителя Керн и Шехтель. Однако молодые специалисты недолго поработали в немецкой школе, т.к. им не были созданы элементарные условия для проживания и работы. К тому же крестьяне-немцы отказались продавать им продукты, и они вынуждены были приобретать их в соседнем селении у чеха-переселенца [5, лл. 22-23].

Когда же во второй половине 30-х гг. немецкие школы перевели на преподавание на русском языке, то он стал активно распространяться как основной и в немецких, и в смешанных семьях.

Деятельность немецких школ была всегда в центре внимания партийных органов, органов народного образования, НКВД БССР В одном из постановлений

бюро Наровлянского РК КП(б)Б отмечалось, что за последний месяц наблюдались факты антисоветской деятельности. Так, ученик 5 «Б» класса Березовской немецкой школы Шуманский выколол глаза на портретах вождей партии. Он же избил пионера Фещенко только за то, что тот являлся активным пионером. Некоторые учащиеся немецкой школы отказывались приобретать билеты «Друзья МОПРА», потому что это означает помощь коммунистам. При изучении темы происхождения человека часть немецких учащихся отстаивала идею его религиозного начала.

Бюро РК КПБ отмечало, что все это стало возможным потому, что в Березовской школе отсутствовала глубокая работа по интернациональному воспитанию и антисоветские элементы подпольно оказывают влияние на детей немецкой школы. Учителя школы не обладают в достаточной степени политической бдительностью и не реагируют активно на классово враждебные вылазки в школе.

Ученик 5 «Б» класса Шуманский был отчислен из школы. Бюро РК КП(б)Б рекомендовало обсудить свое постановление на родительских комитетах всех школ района. В нем отмечалось неудовлетворительное положение с обеспечением немецких школ необходимой литературой, преподаванием обществоведения и т.д.

Бюро РК КП(б)Б рекомендовало также отделу народного образования через белорусский Комитет по радиовещанию организовать передачу радиолекций по антирелигиозной тематике на немецком языке [6].

В постановлении районного отдела образования по Березовской школе отмечалось, что в ходе проверки были выявлены факты запугивания пионеров со стороны некоторых немецких учащихся. Они запугивали пионеров тем, что в случае войны пионеров будут наказывать. Отмечалось, что некоторые немецкие учителя (Бауэр, Ильяс, Лир) применяют антисоветские, аракчеевские методы воспитания учащихся — физические меры воздействия [6, 18 снеж.].

В выступлении сотрудника районного отдела НКВД Штейна на расширенном пленуме Наровлянского РК КП(б)Б отмечалось, что в районе не

ощущается политмассовая работа, в результате чего контрреволюционный элемент проводит антисоветскую работу. Например, в Березовке массовая работа совсем заглохла и фашистское влияние стало шире распространяться «В Березовской школе также недостаточно массовой работы. Даже были отдельные случаи, когда у учеников опрашивали кто наш вождь, то некоторые из них отвечали: «Гитлер» [6].

Архивные документы подчеркивают особую религиозность немецких колонистов. Каждую неделю все от мала до велика посещали церковь. Большинство немцев были «лютеранской веры». Принадлежность к разным конфессиям как и национальностям, во многих случаях не служила препятствием для вступления в брак. Если будущие супруги были разных вероисповеданий (лютеране и православные), то возможен был гражданский брак или переход одного из будущих супругов в православие.

В немецко-белорусских семьях супруги уважительно относились к вере друг друга, поэтому не возражали против устройства боженицы с иконами по правилам, принятым у православных крестьян, этот угол считался почетным (назывался красным углом). В годы Советской власти во время активизации атеистической пропаганды иконы убирали, но почетное место оставалось прежним. В немецких семьях обычно отмечались все крупные церковные праздники (Рождество, Крещение, Пасха, Троица) — и русские, и немецкие, т.е. по православному и по лютеранскому календарю. Вместе с односельчанами — представителями других национальностей, немцы гуляли на Новый год, отмечали масленицу.

В домостроении немцы использовали местные строительные материалы: природный камень, кирпич, известь, сосну, дуб и др. Строились, как правило, собственными силами, иногда привлекали мастеров из старожилов. Часто покупали готовые постройки и потом перевозили их по месту жительства. В результате внешний вид, форма и внутренняя отделка немецких жилищ мало чем отличались от построек полесских старожилов.

Дерева в местах проживания немецких колонистов было предостаточно, поэтому у хозяев имелась возможность строиться самим. В полесской глубинке появляются двухуровневые деревянные постройки. В наборе инструментов в каждой немецкой семье имелись необходимые для проведения плотницких работ топоры, пилы, фуганки, сверла. Для проведения больших работ нанимали помощников. Толока, как правило, не практиковалась. Однако много социальных объектов было возведено совместным трудом на общественных началах. Так, в центре Березовского немецкого сельского совета Мозырского округа – деревне Осиповка на общественных началах была возведена двухэтажная деревянная школа [2, 30 ліст.].

Деревья для построек рубили зимой, но определенного срока заготовки древесины не устанавливали. Место для строительства дома колонисты выбирали сами, однако согласовывали с властями. Все остальные нюансы стройки (выбор солнечной стороны, размещение очага) колонисты выдерживали строго со свойственной немцам аккуратностью и педантичностью.

Фундамент построек делали, как правило, из камня и кирпича. Нижний венец строения изготавливался из дуба, чем богато было белорусское Полесье. Камни собирали на полях, в долинах рек и на подводах доставляли к месту стройки. Крыши немецкие крестьяне в зависимости от достатка крыли тесом, дранкой, соломой или камышом. Входные двери в доме открывались наружу, в отличие от местных жителей, у которых входная дверь открывалась внутрь. Вход в дом (хату) проходил через дополнительное помещение (сенцы), поэтому жилище немецкого колониста уже представляло собой многокамерное помещение. Входные двери и окна могли быть сплошными или створчатыми, как правило украшались резными наличниками [8].

Немцы особенно щепетильно относились к ритуалу заселения в новый дом, который, при его соблюдении, должен был обеспечить семье процветание и благополучие. Вначале вносили стол, хлеб и соль. Сундук с вещами не рекомендовалось вносить первым, т.к. это считалось плохой приметой. Позже

немцы заимствовали у местных жителей такой обычай как первыми впускать в новое жилище курицу или ко́та.

Новоселье устраивали лишь хозяева с достатком, обычно в этот день подавали водку, много браги. В немецких селениях считалось грешным, неприличным здороваться через порог. Чтобы уберечь домочадцев и скот от сглаза, немцы также как и местное население под порог дома прибивали подкову.

Среди жилых построек встречались однокамерные (одно жилое помещение – хата), двухчастные (хата – сени, сенцы), двухкамерное (два жилых помещения, примыкающих друг к другу пятистенок с сенцами), многокамерные (три и более жилых помещения и сенцы — крестовик и другие более сложные формы). В однокамерных постройках первые переселенцы содержали и скот. Жилище (хата) было разделено невысокой перегородкой, за которой находились коровы, овцы, свиньи [9].

Наибольшее распространение получили пятистенки с сенцами. Они имели вытянутую форму и располагались торцом к улице, сенцы размещались вдоль длинной или короткой тыльной стороны постройки. В семьях, где русский (белорусский) язык был принят в качестве внутрисемейного, для комнат дома были усвоены названия, бытовавшие в этой местности. Так, в немецко-белорусских семьях комната с печью называлась избой, хатой, парадная комната без печи (русской) или с голландской печью – горницей, комнатой. В отдельных семьях комнату, где стояла печь, называли передней хатой, смежное помещение – задней хатой, там была спальня. В многокамерных домах немецких поселков помещения носили названия: прихожей, кухни, спальни, зала.

Убранство в немецких домах было скромным. У первых переселенцев занавесок на окнах не было. Кое-кто приспособлялся делать шторы из подручного материала. В передней хате стоял большой стол, за которым собиралась вся семья для будничных трапез: здесь находились шкафчики для посуды, различные ящики для утвари, скамейки, табуретки. У состоятельных переселенцев третьего поколения в домах стали появляться шкафы, стулья.

Переселенцы первого поколения устанавливали в домах большие глинобитные печи, как правило, с плитой. Печь располагали справа от входа, хотя это существенного значения не имело. Позднее печи стали делать кирпичные с вкраплением природного камня. Обычно печи делали свои мастера «из немцев», которые ценились не только в немецких поселках, но и в белорусских. Немецких печников обычно щедро угощали после окончания работы, но денежного вознаграждения не давали – не было принято среди немцев. В белорусских семьях немецким печникам платили деньгами. Старожилы рассказывали, что после завершения работы особое внимание уделялось первому затапливанию печи, когда, оценивая работу мастера, проверяли тягу. В этот момент собиралась вся деревня или поселок [8].

В большинстве немецких семей в передней хате стоял ткацкий станок, швейная машина «Зингер», различные приспособления для изготовления колес, гнутья полозьев. В задней хате располагались койки, стол, скамейки. Целый угол занимали скамейки с цветами. Немцы любили разводить фикусы, герань и др. цветы. В немецких семьях место в задней хате, где стояли столы и скамейки, считалось почетным — туда приглашали гостей в праздники. Койки застилали самоткаными одеялами, пол покрывали многочисленными самодельными половиками. Необходимо отметить, что в деле ткачества немецкие мастерицы преуспевали. В 20-х гг. изделия немецких ткачих завоевывали призовые места на Республиканских выставках народного творчества, которые проводились в БССР ежегодно среди представителей нацменьшинств [8].

Несмотря на то, что многие немцы — отцы семейства и их жены имели ремесленную специальность (были кожевенниками, сапожниками, кузнецами, печниками, швецами, швеями, вязальщицами), каждая немецкая семья как до Советской власти, так и позже засекала поля зерновыми культурами, занималась животноводством, огородничеством.

Поэтому в немецких усадьбах кроме жилых домов и бань возводили постройки для хранения зерна, кормов, содержания скота. По составу построек

усадебные дома немцев мало чем отличались от тех, что принадлежало местным крестьянам. Однако по объему они были больше и построены добротнее. Многие хозяева с достатком строили амбары. Для содержания лошадей, крупного рогатого скота, овец, свиней возводили пригоны, конюшни, стайки, хлева. Стойла ориентировали так, чтобы животные головой были обращены «на утро» или «на обед», т.е. на восточную или южную сторону. У немцев считалось, что если скот привязывать на вечер или ночь (на запад или север), то скот будет сонный, ленивый, поэтому так никогда не делали. Птицу — гусей, уток, кур, — держали в стайках, а летом — в открытых загонах или выпускали за пределы усадьбы. Немецкие сельские советы объединяли 5–6 колоний, которые располагались в радиусе 5–15 км. Березовский немецкий совет Мозырского округа насчитывал 325 дворов. Общая площадь земли составляла 3191 десятину. Обеспеченность крестьян землей была в среднем по 4 десятины на одно хозяйство, в том числе включая сенокос. Крестьяне вели свое хозяйство по хуторской системе с использованием трёхпольного севооборота. Хозяйства велись культурно, с применением сельскохозяйственных машин. Как уже отмечалось, сеяли колонисты различные культуры: рожь, овес, гречиху, горох. Однако посевы были очень незначительны. Поля сильно заливались водой, местная мелиорация не помогала. В сельсовете было очень развито травосеяние и разведение корнеплодов. В 22-х хозяйствах выращивались клевер, вика и другие культуры. Такая же картина наблюдалась и в соседнем Каролинском (Ельском) районе, где размещался немецкий сельсовет имени Р. Люксембург.

Газеты тех лет пестрят цифрами и сводками о высоких надоях в немецких хозяйствах. В среднем ежедневные надои в них составляли 18 литров на одну корову. В хозяйствах преобладала немецко-колонистская порода молочного скота. Неоднократно на базе немецких хозяйств проводились сельскохозяйственные выставки. Так, в колонии Клесин Березовского сельсовета ежегодно проводились выставки приплода молодняка [10].

На высоком уровне в немецких хозяйствах находилось и коневодство.

Немцы разводили в основном чистокровную породу метисов. О высоком уровне немецких хозяйств свидетельствует то, что, например, только в Березовском сельском совете насчитывалось 6 молотилок, 3 зерноочистки, 26 соломорезок, 273 пароконных плуга, 200 железных телег. По обеспечению скотом сельсовет находился в следующем положении: лошадей имелось 247, волов – 2, дойных коров – 683, мелкого рогатого скота – 51, овечек — 882.

В сельсовете функционировало 2 паровые и 3 ветряные мельницы, завод по выделке кож, 3 маслобойни, 7 кузниц

В конце 20-х гг. в республике предпринимаются попытки создания национальных колхозов. В 1930 г. на базе Березовского сельсовета был организован первый немецкий колхоз «Искра», в Каролинском районе — «Путь революции». Правда колхозом его трудно было назвать. В хозяйстве насчитывалось 10 колхозников — 6 батраков, 3 бедняка и 1 середняк [9].

Докладные и информация органов ОГПУ БССР начала 30-х гг. говорят о том, что немцы-колонисты очень точно, с особой педантичностью выполняли постановления властей по хозяйственным вопросам, сельскохозяйственной кооперации. Из документов следует, что образование колхозов в немецких колониях происходило насильственным путем. Немцы, не видя результатов своего труда, отказывались в них вступать. По немецким поселениям прокатилась волна репрессий. Буквально за 5—8 лет в немецких поселках остались вдовы и дети. По обвинению в проведении контрреволюционной агитации, направленной против колхозов, были раскулачены и приговорены к высшей мере наказания сотни немецких крестьян, хозяйства которых процветали. Среди них: Альбрехт Август Вильгельмович, Альберт Леопольд Вильгельмович, Бауман Адольфина Христановна, Бауман Рейнгольд Юмсович, Бекер Альберт Вильгельмович, Вайшлегер Вильгельм Вильгельмович, Вернер Густав Михайлович, Ганельт Фридрих Готлибович, Гирзекорн Готлиб Готлибович и многие другие [11]. Каждую неделю в немецких хозяйствах проходили суды, на которых разбирали так называемых саботажников колхозного строя. Так, 13 мая 1934 г. на

деревенском суде немецкого сельсовета имени Розы Люксембург рассматривалось дело по саботажу весенних полевых работ со стороны крестьян единоличников Генриха Шмидта, Каспера Цалко, Адама Зборовского и Иогана Зборовского. Суд принял строгие меры против саботажников, осудив названных граждан к 5 дням принудительных работ и сделал публичный выговор каждому [12].

Самой яркой провокацией Советской власти против немецких колонистов явились показательные суды выездной Коллегии Верховного суда БССР, которые проводились в районных центрах над «пособниками фашистов», «контрреволюционерами», «агентами фашизма». Такой суд состоялся в райцентре Наровля Гомельской области в декабре 1934 г. Жители Березовского немецкого совета Редер, Ринас, Шумейко, Бауман, Циммерман, Березовский, Миллер и др. были обвинены в пособничестве фашизму и приговорены к смертной казни за то, что «агитировали» против Советской власти, колхозного строя, получали посылки и переводы из Германии.

Все подсудимые «признались» в контрреволюционной деятельности против Советской власти, однако это не спасло их. Накануне в районной газете за подписью граждан Березовского немецкого Совета появилась статья «Мы пратэстуем супраць наглай фашысцкай правакацыі», осуждающая фашистских пособников и требующая жестоко наказать их [6. 23 снежня]. Конечно же, немцы не подписывали данного обращения, оно было состряпано властями, а фамилии односельчан поставлены без их ведома.

В середине 30-х гг. в СССР появляется тенденция к упрощению этнонациональной структуры государства. Это выразилось в ликвидации национальных районов и национальных сельских советов. Эта кампания завершилась в 1938 г. в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов и сельских Советов», принятого 1 декабря 1937 г. При всех сложностях жизнедеятельности национальных территориальных объединений, они сыграли важную роль в развитии школьного образования и

культурно-просветительской работы на родном языке.

Немецкая этническая группа, как и титульная нация, ощутили на себе ужасы политических репрессий. Особый размах в БССР они получили в конце 30-х гг., когда в соответствии с приказом из Москвы проводилась операция по ликвидации польской, немецкой и латвийской агентуры. Центр считал, что БССР является плацдармом для проникновения вражеской, особенно «польской» агентуры в другие районы СССР. В августе 1938 г. согласно приказу Н.Ежова подлежали аресту не менее 7—8 тыс. польских «шпионов» — бывших участников польских вооруженных формирований, политэмигрантов и др. Усилиями чекистов планы были перевыполнены: по данным на 12 декабря 1938 г. в процессе «Операции по польской агентуре» было арестовано 21407 польских «шпионов, диверсантов и участников повстанческих организаций». Национальный состав арестованных характеризовался следующим образом: 9196 поляков, 10120 белорусов, 1059 евреев, 386 русских, 181 украинец, 105 немцев, 122 латыша, 133 литовца, 110 человек других национальностей. Все они, как будто, входили в 111 разрозненных повстанческих организаций, разбитых на 522 группы [10, д. 1397, лл. 19-21].

За время проведения «немецкой операции» было ликвидировано 129 диверсионно-повстанческих и 18 шпионских групп общей численностью 563 человека, где немцы составляли 428 человек. В ходе «латвийской» операции также была арестована большая группа немцев. Особая тройка НКВД БССР, рассмотрев 6770 дел, приговорила к высшей мере наказания 4650 «шпионов» и «диверсантов» [10, лл. 22-24].

Система питания белорусских немцев складывалась на основе хозяйства, которое они вели в условиях Полесья. Основой рациона являлись зерновые. Домашними жерновами или на мельнице зерно перемалывали в муку, из которой в каждой семье выпекали хлеб. В немецких семьях домашний хлеб выпекали вплоть до начала 40-х гг. Кроме обычных ржаных и пшеничных булок, выпекали простые и фигурные булочки с вареньем, разнообразное печенье, торты и т.д. И в

будни, и по всякому значительному событию в немецких семьях всегда пекли много блинов. Варили также клецки. Из круп (пшена, гречки) готовили каши. Из семени конопли немецкие колонисты получали масло. Широко использовался свиной и говяжий жиры, сливочное масло.

На полях и в огороде выращивали обычные для климатических условий Полесья овощи: свеклу, брюкву, капусту, морковь, лук, огурцы, помидоры, различные салаты. Картофель был непременным блюдом на каждый день. В отличие от белорусов немцы готовили из него достаточно много вкусных блюд. Также как и белорусы немцы любили готовить картофельные драники. Капусту солили на зиму качанами и рубленую, свежую и кислую тушили, брюкву парили. Также немцы много заготавливали соленых помидор и огурцов. Резаную брюкву парили с мясом. Рацион разнообразили горошницами, бобовницами, фасольницами. Любили немцы и различные супы и рассольники.

У хозяев с достатком ежедневно на столе были мясные блюда из свинины, баранины, птицы. Говядины было мало, особенно летом. Для праздничных трапез запекали гусей и уток. Мясо варили, запекали в печи, делали рубленые котлеты и много различных мясных блюд. Колбаса в немецких семьях удивляла своим разнообразием – и мясная, и ливерная, и кровяная. Солили и вялили окорока, часто подкапчивали [8].

Дойных коров в немецких хозяйствах было много, поэтому к столу всегда подавали молоко, простоквашу, сметану, сыры, творог. Блюда сдабривали маслом. Яйца варили, добавляли в тесто для выпечки, жарили и т.д.

Летом и осенью в лесах собирали грибы и ягоды, также сушили, солили, заготавливали на зиму. Из ягод также варили варенье. На столе в немецких семьях постоянно находились такие напитки как кисель, чай из различных трав, морковный кофе, морс из варенья.

Перед едой обязательно молились. Молитву читал кто-нибудь из старших в семье. Зимой в дорогу брали сало, котлеты, колбасу, яйца, соленые огурцы или помидоры. В немецких семьях готовили в основном блюда, считавшиеся

традиционно немецкими, а в смешанных семьях особенности питания в большей степени зависели от привычек и правил супруги.

Немцам не удалось сохранить национальный костюм как элемент этнокультуры. Одевались они обычно, правда выглядели всегда аккуратнее и опрятнее местных жителей. Народные песни на родном языке и танцы в конце 30-х гг. сохранились только в отдельных немецких семьях.

Таким образом, благодаря особенностям социальной и демографической ситуации в конце XIX – 30-х гг. XX вв., сложившейся в белорусском Полесье, немцы постоянно испытывали информационное, политическое воздействие иноязычных культур, происходившее на различных уровнях, включая и внутрисемейный. В таких условиях неизбежны были и утраты, и приобретения. К первым можно отнести потерю возможности общения и получения образования на родном языке, а также размывание границ религиозной определенности. Вместе с тем, рациональное самосознание не было утрачено, люди хорошо помнили кем были их предки и кем являются они сами. Немцы сохраняли свои традиции в таких важных областях культуры, как домостроение, питание, внутренняя культура, одновременно приобретали дополнительные умения, знания и навыки, помогавшие адаптироваться в новых условиях, чему в большой степени способствовала также толерантность в общении с соседствующим народом.

Несмотря на отчужденность немецких колонистов, их непонимание политики Советской власти, мероприятий правительства, комиссия по осуществлению национальной политики все же пыталась помочь им возродить национальную культуру, родной язык, сглаживании конфликтов на религиозной почве. После Великой Отечественной войны полесские немцы продолжали выращивать хлеб, трудиться в животноводстве. И только чернобыльская беда изгнала остатки потомков немецких колонистов с земель, обработанных их отцами и дедами. Отселение жителей деревень Наровлянского района Гомельской области Беларуси (Довляды, Хатки, Осиповка, Дерновичи, Берёзовка. Антоновка, Майдан, Дворища, Чапаевка и др.), где еще компактно проживали немецкие

семьи, окончательно лишило их возможности национально-культурного развития.

Литература и источники

1. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д 249. – Л. 18-24; ф. 701, оп. 1, д. 109, лл. 3-14.
2. Прыпяцкая праўда – 1993 – 27 лістапада.
3. Практычнае вырашэнне нацыянальнага пытання у Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспубліцы. – Мінск, 1928. – С. 11.
4. Национальная академия наук Беларуси: 1929–1949. – Мінск: Бел. Навука, 1998. – С. 244-248.
5. ФГА г. Мозыря. – Фонд. 60. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 22.
6. За калектывізацыю. – 1934. - 28 лістапада.
7. ГАООГО. – Фонд 147. – Оп. 2. – Д. 60. – Л. 37-41.
8. Из рассказа жителя бывшей немецкой деревни Осиповка Биттнера.
9. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 249. – Л. 18-36.
10. Памяць. Нараўлянскі раён. – Мінск: БелТА, 1998. – С 110-118.
11. Бальшавіцкі змагар. – 1935. - 15 мая.